

дорович Курицын¹⁰², который в январе-феврале 1537 г. также участвовал во встречах с литовскими послами¹⁰³. Он, видимо, возил с собой старые перемирные грамоты XIV в., заключенные со шведским королем Магнусом (Магнушем) Эриксонем, — во всяком случае, в Описи Царского архива сказано, что он «привез» из Новгорода грамоту «княж Юрьеву с Магнушем, королем свейским, и великого князя Ивана Даниловича с Магнушем»¹⁰⁴. В договоре 1537 г. имеется ссылка на перемирие князя Георгия (Юрия) с королем Магнусом, которое служило юридическим основанием для установления границ¹⁰⁵. Датировка, предложенная в заголовках XVIII в. к сокращенным текстам договора 1537 г., — 25 марта — исходит, вероятно, из того, что договор отпосит начало своего вступления в силу к дню Благовещенья 7045 г., т. е. к 25 марта 1537 г. Однако приводимый в договорах срок начала действия того или иного трактата нельзя отождествлять с датой утверждения договора в Новгороде. Кроме того, определенный срок часто переходил по традиции из одного договора в другой, а конкретные даты их заключения менялись¹⁰⁶.

Нам важно знать, когда появился С. Н. Бутурлин в Новгороде в качестве дворецкого. Известно, что еще «на весне» 7045 (1537) г.

¹⁰² Описи Царского архива..., с. 27, л. 273 об. (ящик 96). В составленных С. Б. Веселовским и А. А. Зиминим послужных списках дьяков этот факт из биографии А. Ф. Курицына не учтен. Другие сведения о нем см.: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие, с. 279—280; *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат, с. 245—246.

¹⁰³ Последний раз — 16 февраля 1537 г. (Сб. РИО, т. 59, с. 102).

¹⁰⁴ Хотя в Описи «грамота» названа в единственном числе, подразумеваются все же две грамоты — Юрия Даниловича и Ивана Даниловича. Известен текст только первой из них — это знаменитый Ореховецкий договор 1323 г. (*Sverges traktater...*, del. I. Stockholm, 1877, N 205/I, s. 434—514; ГВНП. М. — Л., 1949, № 38).

¹⁰⁵ *Sverges traktater...*, del. IV, s. 183; ЦГАДА, ф. 96, оп. 3, д. 3, л. 1 об., 4 об., 7. Ссылка на этот договор была и в трактате 1535 г. (*Sverges traktater...*, del. IV, s. 191). Об использовании грамоты 1323 г. в 1535 и 1537 гг. см. также комментарии к Ореховецкому договору в «*Sverges traktater...*», del. I, s. 444, 445, 447, 471, 472, 475, 479, 481, 482, 487, 490—493.

¹⁰⁶ Для русско-шведских договоров первой половины XVI в. Благовещенье — весьма характерный срок. Он указан, например, в перемирной грамоте 1513 г., но сама грамота была написана в Новгороде 9 мая того же года [см.: *Собрание государственных грамот и договоров*, ч. V. М., 1894, № 60, с. 52—53]. Тот же срок — в неодобренном королем договоре 1535 г. (*Sverges traktater...*, del. IV, s. 191, «*ex die annunciationis beatae Mariae virginis*»), время утверждения которого в Новгороде нам неизвестно. В русско-ливонских договорах изучаемого времени типичный срок — Покров богородицы (1 октября). Так, он фигурирует в договоре 7040 (1531/32) г. (*Собрание государственных грамот и договоров*, ч. V, № 106, с. 116—123). Точная дата этого договора не указана, но, возможно, она близка к Покрову, ибо посол был в Новгороде и Москве осенью 7040 г. (ПСРЛ, т. XIII, пол. 1, с. 60). Тот же срок — Покров — в договоре 7043 г., однако еще Карамзин отметил, что этот срок не соответствует дате приезда послов — март 1535 г. (см. выше, прим. 79); следовательно, датировка его 1534 г. (*Шумилов В. Н.* Обзор документальных материалов ЦГАДА по истории СССР периода феодализма XI—XVI вв. М., 1954, с. 39) едва ли возможна.